

Ах, лукавая пятница! Словами благодарности встретила утро. Так папа встречал рассвет...

Дочь заперлась в ванной, что она там делает столько времени? Умывается, поправляет причёску — вдруг что замечу!

Иарна тупо смотрела на экран телевизора. Какая-то всё чепуха. Выключила чёртов ящик.

Гулиза вышла из ванной и прошла на кухню.

Как повести себя, с чего начать разговор? Ждала и боялась его.

— Маочка, ох и проголодалась я! — Иарна вздрогнула.

В душе аж кипело. Ладно, пусть поест, разговор не уйдёт. И вдруг почувствовала жалость к дочери: отца нет, а если потеряет и моё доверие, вовсе одна останется.

Дочь спокойно ела. И это спокойствие озлило Иарну. Ну и доченька — «мамочка, мамочка!» Выгнать вон из-за стола, так оскорбила, так обидела!

Гулиза подняла глаза:

— Маочка, а ты почему не ешь?

Таких сияющих глаз Иарна ещё не видела у дочери. Но пробивалась в них и затаённая тревога.

Присела к столу. «Значит, всё-таки не заметила меня на лестнице. А он, подлец патлатый, отвернулся — конечно, неловко ему».

И подумала: привыкла обманывать себя. И на выходки мужа глаза закрывала... Сколько бы ещё продлилось — Бог весть. Она покосилась на дочь и словно незнакомку увидела: чёрные брови вразлёт, длинные косы, аж со спинки стула свешиваются, щёки раздурманились. А эта полная высокая грудь, обтянутая халатиком... В шестнадцать-то лет! Да замуж вполне можно выдавать. Откуда что и взялось! Боже, где были мои глаза? Будто спала все эти годы и вот проснулась...

Ну и что теперь? Позвонить отцу? Говорил, уходя: «Во всем виноват я, и единственное, о чём прошу: если ты или Гулиза попадёте в беду, всё сделаю, помогу». Сейчас бы его помощь! Заболела бы дочь, не дай Бог, понадобился бы лекарств... А теперь? Скажет злорадно: «Не отдала её мне, а ведь предупреждал, что трудно будет». Оказался прав.

Надо же — вполне можно замуж! Чего я всполошилась? Её жизнь — это её жизнь. Пусть будет как есть. Пусть! Убеждала себя, но чувствовала: душа переворачивается! Надавать девчонке пощёчин и высказать всё. Что о ней думаю!.. Уйти куда-нибудь, хоть к соседям. Здесь задыхаюсь, воздуха не хватает.

Иарна неторопливо, внутренне вся сжавшись, двинулась к двери с высоко поднятой головой — ну точно актриса после финальной сцены.

Гулиза бросилась следом, обняла:

— Прости, прости меня!

Иарна растерялась:

— Успокойся, ничего не случилось...

— Маочка. Я очень, очень виновата перед тобой, но ты поймёшь меня! — Гулиза уткнулась ей в грудь и заплакала.

Сколько Иарна выплакала слёз — в народе говорят, коню не перешлыть. Считала, плачут от горя. Но слёзы Гулизы были иные, самой не привелось их узнать.

Так и стояли, обнявшись, и было не разобрат, кто кого утешает.

— Он, маочка, он такой...

— Подожди, милая, подожди. Пойдём-ка в комнату, присядем.

Долго они сидели, прижавшись друг к другу, не проронив ни слова. Иарна догадывалась, что у дочери на душе, и вспоминала давнее. Вот она в сельской школе. Стоптаные старые башмачки, но белый бант в волосах. Вот институт. Сокурсники подтрунивали над ней: «Город и деревня не состыкуются». Обижалась, считая неровней. А на деревенскую скромницу он и обратил внимание, будущий муж. Не единожды внушал ей потом, как ему дороги совесть, душевная её чистота.

Вспоминались первое знакомство, первые встречи, совместная жизнь...

Грустно сделалось, одиноко. Не поторопилась ли с разводом? И такое думалось. Простила раз, другой... Предатель! Если прощу и дочь, кто знает — не собьётся ли с пути. А ведь и она отчасти виновата в нашем разводе: не о ней ли заботилась, решив, что лучше совсем без отца, чем с таким? С раннего детства оберегала. Только ради неё и жила, всё для неё.

— Маочка!..

Иарна очнулась от тягостных мыслей и отстранила дочь.

— Мам... тебе будет лучше...

— Мне лучше? — не выдержала Иарна. — На тёмной лестнице целуешься — мне от этого лучше? Что позоришь меня?

Совсем не то хотела сказать, Господи!

Дочь трясла головой:

— Мама, мама, ты всегда понимала меня! Ты самая умная, самая лучшая!

И с какой уверенностью! Будто для неё всё уже решено. И это было неприятно. Воистину: век живи, век учишься!

— Я познакомила папу с Андреем, — призналась Гулиза.

— Да? А мне ни слова...

Выходит, посвящён. Воспитывала в дочери уважение к отцу. Вот и наказана! Своего «лохматого» мне представила как товарища. А папаше открылась! Верно, названивала, не боясь, что трубку снимет его жена, которую ненавидела. И на работу звонила...

— Не можешь простить. И я бы на твоём месте... Но он мой отец!

— Замолчи! Мерзавка, отгаскай бы тебя за косы...

Гулиза съёжилась, руки прижала к щекам. Такая одинокая, несчастная.

«Это я несчастная. Я, я!» — твердила Иарна, выбежав из комнаты. Рухнула на кровать. Кого просить о помощи? Родственники, подруги, сослуживцы... Если бы жив был отец... Три года, как умер... вслед за мамой. Никого вокруг! Спохватилась: Уахсит! Тот самый «опять двадцать пять», «Пятница»...

Гулиза подошла к двери, прислушивалась. Недоумевала и укоряла себя: «Я шагу не делала без её разрешения. Что худого в том, что посоветовалась с отцом? Неужели думает, что люблю его больше, чем её?».

Ближе матери у неё никого. Жалела, боялась обидеть. А с тех пор, как сама полюбила, другими глазами смотрела на семейные пары. Мама ни в чём не уступала другим женщинам — ни умом, ни красотой. И отца жалела. Но эта жалость была иного рода, у неё даже слёзы навертывались на глаза: как он мог их с мамой оставить?! Какое-то двойное чувство. Любовная жалость и... Неужели злость?

И разве безразлична ей судьба матери? Стала ещё ближе, понятней. Это радовало, но и тревожило. По-своему пыталась подготовить её к разлуке: «Если поступлю в институт в другом городе, как ты тут одна?». Мать смеялась: «А письма? И всегда можно позвонить. Да всё равно вернёшься!» Похоже, и в мыслях не допускала, что кто-то уведёт её дочку. И когда привела Андрея, познакомила, отнеслась к нему, как к любому из соседских парней. «Такой же "лохматик"».

Гулиза тихо подошла к стеклянному дверям в спальню: успокоилась, слава Богу. Лучше бы уж ударила — было бы легче. А если войти? Дура я — выпалила прямо в лицо: мой любимый друг друга, выйду замуж, ей же лучше, заживет своей жизнью... А я... ещё и про отца не удержалась! Дура, дура!.. Завтра всё скажу. И про Андрея. Никакой он не «лохматик». Летом подрабатывает на стройке. Не из тех, кто вечерами таскается по набережной. В этом году заканчивает институт. И я поступлю здесь, в Сухуме. Буду получать стипендию. Ты молодая, скажу я, красивая! Хочу, чтобы ты была счастлива. Я же знаю, что Уахсит и ты тянетесь друг к другу...

Иарна встала, провела ладонью по лбу. Надо написать этому... папаше, не пропуская ни одной юбки. Написать, что дурные гены дают себя знать. Но пусть поговорит с «лохматиком», чтобы соплик понял — ошибся, решив, что девчонка без защиты. Игра в любовь от нечего делать...

Ну разлучу их — лучше будет? Нет, совсем рехнулась, советоваться с человеком, у которого давно ребёнок от другой. Идиотка, право! Будь уж, голубушка, честна хоть перед собой: и не ради дочери берёшься за перо, а из-за опостылевшего одиночества, из-за обиды на нелепо сложившуюся жизнь! Получит её послание и что скажет? Тьфу! И студентика своего познакомила с отцом — из уважения к родителю. Папашу-то её на словах всегда приукрашивала... И что, я — хуже бывшего муженька: не могу разобраться в собственной дочери?! Хорошо бы, конечно, посоветоваться. Да вот с кем?

Пятница-Уахсит... Если скажу ему: представляешь, моя дочь влюбилась! Интересно, что ответит? Тут же, верно, напомнит и о наших с ним отношениях. «Сама потеряла веру в любовь и не хочешь видеть её в других».

Предположим — у них с этим Андреем настоящее чувство. Согласна. Что же тогда меня бесит? Ревность? К своей дочери? Ревную? Что ещё? Злость? Тревога за её судьбу?

Но и другое, другое... самое страшное: поджидающее её, Иарну, одиночество. Увидав их целующимися, увидела и себя — одинокую женщину. Сидит в пустой квартире, ждёт старости с болезнями и молит Бога, чтоб забрал к себе, чтоб никому не в обузу. И так сделалось горько, будто и впрямь старуха!

Надо что-то делать, прогнать эту немощную!.. Лучше вспомнить лето, когда отвезла Гулизу в родное своё село, в горы. И с трудом выдержала двадцать дней разлуки. Именно тогда и познакомилась с Уахситом, с «опять двадцать пять». Узнала, что у него умерла жена, сын учится в Москве, сам живёт со старенькой матерью. Гулиза была в деревне, поэтому часто названивал, приглашал побродить за городом где-нибудь... И она согласилась...

Какой бы день! Чудесная погода, шли вдоль речки, добрались до самых предгорий. Она и еду захватила — небольшой пикничок в тенёчке на травке... Смеялись, шутили. Казалось, понимали друг друга с полуслова. И оба точно помолодели.

А на следующий день решила больше не встречаться. Он звонил, звонил... Иарна отговаривалась дурацкой пятницей, бросала трубку. Вот и не позвонил сегодня... Говорил, что мать часто болеет, может, и сейчас плохо себя чувствует? Или у самого неприятности? Чего только не случается на тройке! Что-то, видимо, помешало, иначе позвонил бы непременно. Понимает, что его звонки ей не безразличны, мужчины это всегда понимают!

И как-то вдруг по-новому, иначе увиделся Уахсит. Его доброжелательность, внимание, такт.

Из-за гор выплыла большая ярко-жёлтая луна. Порой исчезала за облаками. Прорывалась из их объятий, а другие наперегонки слетались, точно вороны.

Иарну охватило томительное, щемящее предчувствие чего-то недоброго.

Разбудить дочь, выговориться. Не об Андрее...

На лице спящей Гулизы было такое умиротворение! Что могло сниться влюблённой? Нет, не получится спокойного разговора. Теперь они не мать и дочь, а две женщины.

Не о дочери уже думала — о себе. Соперничество... Боже, что приходит в голову! Или это зависть?

И вновь вспомнила: их с Уахситом давнюю прогулку. Не позволила поцеловать себя на прощание. Взрослая дочь, а у мамашки, видите ли, роман. Так она подумала в ту минуту. А сейчас пожалела.

Да, напишу Уахситу... Представила, как жадно будет вчитываться в каждое слово. Верить и не верить, и радоваться.

Иарна вышла на балкон.

Чистое, тихое лежало небо над морем. Само точно море после ненастья.

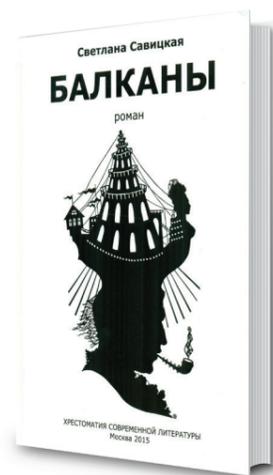
Литературный мост Россия — Сирия

Сирия на арабском звучит как «Сурия». А Россия — как «Русия»

Достаточно переставить слоги, чтобы понять, что слова эти практически идентичны. Тот же самый эффект со словами Москва (Масква) и Дамаск. Случайное ли совпадение? И не случайно ли наше стремление изучать культуру друг друга — от древней до современной? Все мы помним школьный учебник истории с изображением древней Пальмиры. Все мы любим сказки из «Тысячи и одной ночи», хоть и не носители арабского языка. Но число людей, говорящих на нём в мире составляет около 240 миллионов. Согласитесь, это немало!

Современные политические события снова сблизили Москву и Дамаск. В Сирии с неизменным интересом читают классиков русской литературы, уже переведённых на арабский: Достоевского, Чехова, Толстого. И не только русских — за 2017 год было выпущено и продано 200 наименований книг писателей из 40 стран. Востребованы и современные авторы. Поощряется выпуск сборников поэтов и прозаиков из России, читатели Сирии регулярно знакомятся с переводами русскоязычных авторов через 12 местных литературных журналов.

Наиболее популярным из русских книг в 2017 году стал военно-исторический роман «Балканы» Светланы Савицкой, изданный при содействии Министерства культуры Сирии, тираж которого моментально разошёлся. Поэтому упомянутое министерство обратилось с просьбой к учредителям проекта «Золотое перо Руси», возглавляемого С.Савицкой, рекомендовать для перевода на арабский язык в 2018 году три сборника рассказов и три романа современных авторов России, а также по одному от литераторов из Украины, Белоруссии, Германии и Греции, пишущих на русском языке. В список вошли Сергей Лукьяненко (Россия), Николай Чергинцев (Белоруссия), Михаил Кизилов (Россия), Дмитрий Митропольский (Россия), Людмила Крыжановская (Украина), Генрих Дик (Германия), Ирина Анастасиади (Греция) и другие известные писатели.